

Е. А. Попов

ПРОБЛЕМА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПОНЯТИЙ В СУДЕБНОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

Аннотация: Статья уделяет особое внимание проблемным сторонам проведения судебной социологической экспертизы. При этом акцент делается не на процессуальной стороне назначения и производства указанного вида экспертизы, а на использовании в ее рамках специальных научных понятий и категорий. В данном случае актуализируется научно-исследовательский потенциал современного социологического знания, для которого характерна в целом дискуссионность многих методологических и методических позиций, а следовательно, и основных дефиниций.

В статье анализируются различные проблемные моменты, определяющие особенности вынесения экспертного заключения специалистом-социологом. При этом обращается внимание на то, что такое заключение должно подготавливаться ученым специалистом, имеющим высокую квалификацию в области социологической или смежной с ней отрасли знания. Это позволит исключить «угадывание» той методологической позиции, в рамках которой будет рассматриваться то или иное ключевое понятие или категория.

Ключевые слова: экспертиза, социология, группа, социум, социальность, система, трансформация, рефлексия, ответственность.

Как известно, в уголовном законодательстве присутствует несколько составов преступных деяний, одним из квалифицирующих признаков которых выступают мотивы политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо мотивы ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Для нас интерес представляет прежде всего последняя формулировка, так как она нередко становится отправной точкой при производстве судебной социологической экспертизы.

Подобный вид экспертирования имеет решающее значение в связи с тем обстоятельством, что в последнее время значительно возросло количество преступлений, совершаемых в отношении тех или иных представителей различных социальных групп. Так, в 2010 году в России зарегистрировано 613 преступных деяний указанной направленности, при этом по 329-и из них были вынесены обвинительные приговоры. Чаще всего ненависть выражается в побоях, умышленном причинении вреда здоровью — по этим обвинениям вынесено 90 приговоров. За убийство к различным срокам приговорен 21 человек, за хулиганство — 15. Всего в прошлом году по этим делам был вынесен 161 приговор. Для сравнения: в 2009 году — 65, а в 2008-м — лишь пять. Статистика неумолимо свидетельствует о росте преступлений, вызванных определенными социально значимыми «приоритетами» в измышлениях лиц, совершающих подобные общественно опасные действия. В то же время необходимо отметить, что зачастую сложность в квалификации этих деяний связывается именно с

неопределенностью таких категорий как, например, «социальная группа». Возможно, что для законодателя, отразившего свою позицию в соответствующей конструкции уголовно-правовой нормы «по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы», такая формулировка не вызывала сомнений и противоречий, однако для социологической науки и тем более для правоведа категория *социальной группы* не является однозначно трактуемой. Более того — это понятие вызывает к жизни серьезные научные дискуссии, которые в общем-то ставят под сомнение однозначность смысловой интерпретации данного феномена. Не трудно представить себе определенные затруднения правоприменителей, когда речь заходит о необходимости доказать то обстоятельство, что подозреваемое в совершении преступления лицо действительно руководствовалось в своих действиях именно «мотивами ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы». Такие сложности и сомнения собственно и должна разрешать судебная социологическая экспертиза, ставящая своей основной целью прояснение специфических характеристик конкретной социальной группы, к которой принадлежит тот или иной индивид или определенное их число.

Судебная социологическая экспертиза — сложное действие, апеллирующее главным образом к возможностям в целом современной социологической науки. В этой связи необходимо, как нам кажется, обратить внимание на главные проблемы, являющиеся актуальными для этой области знания. «Очевидно, что социолог на распутье строящейся социологии, которая в начале XXI в. только

находится на пути обретения эпистемологического единства, должен обладать сознанием, открытым социальным вопросам, и умением, чтобы понять пересечение сложных социальных проблем. Парадокс большой науки, думающей, ищущей, каковой социология вне всяких сомнений продолжает быть, в том и состоит, по-видимому, что на главный эпохальный вопрос — кто же он, *человек-социолог?* — ответ пока не получен¹. Очевидно, что в этом ключе формулируется один из основных вопросов социологии — способен ли исследователь в полной мере взять на себя ответственность за свою научную позицию и насколько его частное мнение будет согласовываться с общей линией развития современной социогуманитарной науки. Как отмечается, «в этой ситуации повышается требовательность к профессионализму социолога-исследователя, прежде всего актуализирующая медитативные особенности его бытования. А они чрезвычайно многомерны — каждая частичка мира открывает сложное переплетение разных — философских, гражданских, правовых, бытовых проблем, которые не решаются однозначно. Человек вне пространства социологии сравнительно легко маневрирует в мире знаков, кодов, символов, растрачивая свою жизнь на их расшифровывание — такова закономерность повседневного бытия. Социолог ведет себя иначе или должен вести себя иначе. Здесь прорывается масса тех или иных обстоятельств, требующих от социолога ответственности; речь идет о профессиональной этике, отстаивании своей методологической позиции, адекватной реакции на происходящие в мире трансформации и т.д. Это только *внутренний мир* “социологического организма” — тот, что остро рефлексивен, избирателен, умен, целенаправлен²».

Для проведения судебной социологической экспертизы исследователю необходимо скорее всего не столько полное личное погружение в конкретную проблему, сколько возвышение над ней, оценка ее концептуальной «организации», включенности в общее смысловое пространство социального знания³. Здесь необходима актуализация позиции именно не специалиста-социолога, обладающего арсеналом современных эмпирических методов исследования, а позиция ученого, способного

на методологическую рефлексивность и выяснение эвристичной ценности конкретных исследовательских методов. Иными словами, к примеру, постановка перед специалистом-социологом вопроса об отнесенности той или иной общности к конкретной социальной группе, по всей видимости, вряд ли вызовет сложности, поскольку сегодня имеется своего рода «стандарт» определения одного из ключевых понятий современной социологии. Между тем исследователь-социолог должен понимать, что категория социальной группы включена в довольно широкий круг не менее значимых понятий, таких как социальная общность, социум, сообщество и т.д., а следовательно, нуждается в дополнительной коннотации. Так, Г.Е. Зборовский в статье «Теоретические основания изучения социальной общности» отмечает: «Вначале сформулируем достаточно простой вопрос: где, в каких социальных структурах и образованиях реально живут люди? Традиционный ответ на него имеет характер аксиоматической констатации: люди живут в обществе. Однако он мало что дает для понимания реальных проблем, в решение которых вовлечены индивиды. Сказать “в обществе” — значит не сказать ничего определенного. Чтобы осмыслить ответ на поставленный вопрос, нужно спуститься с абстрактных высот общественного бытия к реальности более конкретной, чем общество вообще. Этой реальностью являются социальные общности⁴». Многоликость, многозначность категориального аппарата любой современной отрасли знания может поставить в тупик любого эксперта или привести его к неверным выводам с далеко идущими последствиями. На это обращает внимание Н.В. Романовский, размышляя о понятийных проблемах социологии: «пример частого — неверного, да что там! — социологически неграмотного — использования являет собой расширение за пределы стандартов социологии понятия социальный институт (частично здесь повлияла “институциональная экономика”, использующая понятие институт по-своему). Исходной точкой этой ошибки у социологов является неразличение терминов социального института и институции (нечто близкое к организации) — терминов иноязычных” (institute-institution), в западной социологии различаемых. На моей памяти институтом авторы (статей, присылаемых в журнал «Социологические исследования». — *Е.П.*) пытались сделать музей, библиотеку, нотариат и др. Доказать авторам их заблуждение порой бывает трудно⁵. Поэтому на самом деле ошибки

¹ Попов Е.А. Образ социолога в современной реальности // Социально-гуманитарные знания. 2009. №2. С. 78.

² Там же. С. 77-78.

³ Проблемные стороны проведения судебных экспертиз часто затрагиваются в публикациях специального научно-практического журнала «Судебная экспертиза». См., например: Кискина Е.Е. Заключение эксперта как акт коммуникации // Судебная экспертиза. 2009. №3; Пашинский В.В. Оценка достоверности заключения эксперта // Судебная экспертиза. 2009. №1; Он же. Формы выводов в заключении эксперта // Судебная экспертиза. 2009. №2; и др.

⁴ Зборовский Г.Е. Теоретические основания изучения социальной общности // Социол. исследования. 2010. №4. С. 4.

⁵ Романовский Н.В. Понятийные проблемы социологии: поиск адекватной интерпретации // Социол. исследования. 2010. №4. С. 14.

в использовании и интерпретации социологических категорий могут привести к еще более выраженным заблуждениям, чем даже неадекватность выбора методологических векторов исследования.

В этих условиях, как мы полагаем, любую экспертную оценку в области судебной социологической экспертизы должен давать ученый, имеющий по крайней мере степень кандидата наук и достаточный опыт работы в сфере социогуманитарного знания в целом и социологии в частности. С учетом этого обстоятельства производство судебной социологической экспертизы должно быть основано не просто на мнении специалиста-социолога, а должно содержать основанное на современных научных данных заключение, отражающее все проблемные стороны поставленного перед экспертом вопроса, и в конечном итоге содержать наукоёмкую информацию о конкретном явлении либо процессе. Вместе с тем, по мысли американского социолога Гэри Маркса, обозначившего 37 моральных императивов в профессиональной деятельности социолога, всегда необходимо остерегаться социологов, оперирующих «только фактами». Нужно осознавать «интеллектуальные традиции и альтернативы, из которых появляются «данные», а также необходимость развивать имплицитное знание, подразумеваемое в теоретическом подходе. Факты не говорят сами за себя. В той же степени, что и от недостатка данных, наше поле страдает от недостатка концептуальной и интегративной мысли. Факты надо совмещать с теорией и сравнивать в рамках концептуальных схем. Если этого не сделано, данные навсегда останутся вчерашними новостями. Эти проблемы усугубляются быстрым ростом не связанных друг с другом полей и маленьких делянок науки. Если целью социологии является поиск истины и понимание общества, нельзя признать позитивным, что внимание к под-полям социологии определяется политическим интересом или модными веяниями, а не интеллектуальными вопросами об обществе»⁶. Как видим, для «прозрачности» любого социологического заключения или вывода первостепенное значение приобретает именно концептуальный и интегративный подходы. Но с другой стороны, этот путь научного изыскания становится самым сложным и ответственным, а следовательно, предполагает достаточно высокую исследовательскую квалификацию эксперта, которому поручено разрешение поставленных в рамках судебной социологической экспертизы вопросов.

Очень важно ко всему прочему добиться от эксперта ясности и конкретности в изложении своей позиции. За

признанием необходимости концептуального и интегративного рассмотрения социально-правовой проблемы особое значение приобретает четкость и недвусмысленность позиции эксперта, — принимаемое им заключение не должно напоминать научный трактат, в котором свое место отводится анализу всех допустимых взглядов и позиций относительно рассматриваемой проблемы, оценке эвристичности тех или иных методов исследования и т.д. Очевидно, что в этом случае главное — резюмировать свою экспертную позицию в соответствии с комплексом или системой общепринятых научных положений.

На сегодняшний день Уголовный кодекс Российской Федерации зафиксировал более десяти составов преступлений, в которых одним из квалифицирующих признаков выступает направленность этих умышленных действий на причинение преступного вреда в связи с мотивами политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Речь идет о таких составах как «убийство» (п. «л» ч. 2 ст. 105), «умышленное причинение тяжкого вреда здоровью» (п. «е» ч. 2 ст. 111), «умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью» (п. «е» ч. 2 ст. 112), «умышленное причинение легкого вреда здоровью» (п. «б» ч. 2 ст. 115), «побои» (п. «б» ч. 2 ст. 116), «истязание» (п. «з» ч. 2 ст. 117), «угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью» (ч. 2 ст. 119). Как видим, все эти преступные деяния отнесены к категории преступлений против жизни и здоровья.

Один состав находим в группе преступлений, направленных против конституционных прав и свобод человека и гражданина — ст. 136 («нарушение равенства прав и свобод человека и гражданина»), два состава преступлений — «хулиганство» (ст. 213) и «вандализм» (ст. 214) располагаются в главе преступлений об общественной безопасности. Наконец, ст. 244 «Надругательство над телами умерших и местами их захоронения» и ст. 282 «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» также содержат в качестве квалифицирующего признака указанную формулу «в связи с мотивами политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы».

В рамках судебной социологической экспертизы перед экспертами часто ставится вопрос следующего содержания: «могут ли быть отнесены изображенные или описанные в представленных на экспертизу материалах лица к какой-либо социальной группе; если да, то по какому признаку?» Подходы к рассмотрению указанного вопроса могут быть различны. В частнос-

⁶ Маркс Г. О профессиональной деятельности социолога — 37 моральных императивов // Социол. исследования. 2008. №1 / Сокр. перевод с англ. Л.Г. Титаренко и А.А. Широкаковой.

ти, эксперт может прийти к следующему заключению: «В теоретической социологии сложился адекватный научный дискурс, достаточно полно и обоснованно разрабатывающий категориальную систему “социальная группа”. Так, под социальной группой понимается “совокупность людей, имеющих общий социальный признак и выполняющих общественно необходимую функцию в общей структуре общества, разделения труда и деятельности”. Кроме того, утверждается, что социальная группа “фиксирует социальные различия, возникающие между отдельными совокупностями людей в процессе разделения труда и деятельности на основе отношения к средствам производства, власти, характера труда, профессии, образования, уровня и структуры доходов, пола, возраста, национальной принадлежности и т.д.” (См.: Социологическая энциклопедия: В 2 т. Т. 1 / Национальный общественно-научн. фонд / Руководитель научного проекта Г.Ю. Семигин; Главный редактор В.Н. Иванов. М.: Мысль, 2003. С. 238). Исходя из данной трактовки можно выделить следующие важнейшие и необходимые характеристики любой социальной группы: 1) совокупность людей, объединенных хотя бы одним доминирующим социальным признаком из множества: пол, возраст, принадлежность к власти, профессия и др.; 2) совокупность людей, выполняющих общественно необходимую функцию в общей структуре общества. Таким образом, если для той или иной совокупности людей может быть установлен доминирующий или главный (общий) социальный признак, а также определена общественно необходимая функция, которая характерна для данной совокупности людей, то в этом случае можно вести речь о характеристике такой совокупности людей как социальной группы.

В соответствии с указанными критериями лица, изображенные в представленных на экспертизу материалах, могут принадлежать к определенной социальной группе. Отнести к социальной группе данную совокупность лиц возможно только по одному социальному признаку — принадлежности к властным структурам или к системе государственного управления; необходимой для данной социальной группы общественно значимой функцией является осуществление властных полномочий, регламентированных порядком, установленным законом.

Таким образом, изображенные в представленных на судебную социологическую экспертизу материалах лица, можно отнести к социальной группе только по одному признаку (выполнение возложенных на них государством функций государственного управления), остальные признаки (отношение к средствам производства, характер труда, профессии, образования, уровня и структуры доходов, национальная принадлеж-

тельность и т.д.) неотчетливо выражены или остаются неизвестными».

Сегодня социологическая наука наработала достаточно богатый материал, затрагивающий проблемы социальной стратификации российского общества, но именно это обстоятельство существенно затрудняет выполнение экспертом стоящих перед ним обязанностей. Так, некоторые исследователи отмечают: «Ситуация усложнялась для исследователей тем, что предмет исследований – социальные структуры – находились в ситуации изменений, становления нового качества, были аморфны. В связи с этим, внимание акцентировалось не столько на количественных показателях групп и слоев, сколько на их взаимосвязях и взаимоотношениях (дезинтеграция, интеграция, конфликт и партнерство). Исследовалось иерархическое строение общества по тем или иным критериям. Современную социальную структуру российского общества нельзя рассматривать как стабильное устойчивое явление. Появившиеся различные формы собственности привели к рождению новой социальной структуры с новыми формами социальной дифференциации. Основной характеристикой современного российского общества является его социальная поляризация, расслоение на большинство бедных и меньшинство богатых. Таким образом, налицо конфликт между сущностью проводимых экономических реформ и ожиданиями и стремлением большинства населения. Пространство социальной стратификации как бы свертывается практически к одному показателю – имущественному (капитал, собственность, доход)»⁷. Исходя из этого, можно утверждать, что в социологическом знании на долгое время воцарилось доминирующее мнение о нестабильности социальной структуры российского общества, с одной стороны, и использованием в характеристике социальной стратификации ключевой категории меры богатства, с другой стороны. Но насколько существенной сегодня подобная категория является в определении той или иной социальной группы или же какие другие важные позиции необходимо учитывать для подтверждения «статус кво» социальной группы?

То что данная категория и другие понятия нередко заставляют социологов возвращаться к дискуссиям о категориальном аппарате науки, наталкивает на мысль не столько о полисемантике конкретного понятия, сколько о полярности научных позиций, которые акцентируют те или иные аспекты в трактовке предлагаемых категорий. Показателен в этой связи, к примеру, случай с соотношением различных дефиниций — социальной

⁷ Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д. Социальная структура общества: в поиске адекватных ответов // Социол. исследования. 2008. №7. С. 78.

системы и социальной общности (к слову сказать, последняя часто рассматривается как родовое понятие по отношению к категории «социальная группа»). По этому поводу исследователи замечают: «...социальная система представляет собой не “совокупность связей и взаимодействий”, а объединение людей, а связи и взаимодействия выступают системообразующими факторами, то есть объединяющими эти элементы, превращающие их простую совокупность в систему. К тому же является дискусионным утверждение о том, что социальная система складывается на базе той или иной социальной общности. Общность — не основа социальной системы, а одна из ее разновидностей»⁸. Как мы полагаем, использование любых понятий, в том числе и *социальной группы*, для ответа на поставленные в судебной социологической экспертизе вопросы должно по крайней мере удовлетворять ряду требований: 1) такое понятие должно воспроизводиться в различных академических энциклопедических изданиях по профилю соответствующей научной области или затрагивающих междисциплинарный характер научных связей; 2) содержание такого понятия должно раскрываться инструментальными, а не абстрактными положениями; 3) используемое понятие не может рассматриваться в изоляции от других, а следовательно, должно быть вписано в конкретный научный

контекст. Как мы полагаем, руководствуясь указанными требованиями, эксперт, производящий судебную социологическую экспертизу, способен избежать распространенных погрешностей в использовании тех или иных специальных категорий и терминологии. Между тем, с точки зрения А.В. Кошелева, «“Система”, “структура”, “функциональность”, “социальное действие”, “агент” — данные понятия “отягощены” определенной смысловой нагрузкой. При их использовании сразу попадаешь в определенный научно-производственный цех теоретизирования. Здесь на страже строгого теоретизирования стоит не идейное сообщество приверженцев парадигм, а устоявшийся логически определенный конструкт, своеобразный алгоритм мышления, можно сказать “мысленная феноменология”, определяющая сознание ученого, не позволяющая воспринимать смысл иначе»⁹. Очевидно, что направление развития современного социогуманитарного знания определяется не только парадигмальным «бунтом», но и региональными особенностями исследовательской практики, которые в случае с социологией в большей степени тяготеют к выделению широкого спектра различных отраслей социологической науки, а значит, масштаб появления теоретических и эмпирических «конструктов» существенно увеличивается и ознаменовывается новыми интерпретациями уже известных социальных смыслов и категорий.

Библиография:

1. Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д. Социальная структура общества: в поиске адекватных ответов // Социол. исследования. 2008. №7.
2. Зборовский Г.Е. Теоретические основания изучения социальной общности // Социол. исследования. 2010. №4.
3. Кискина Е.Е. Заключение эксперта как акт коммуникации // Судебная экспертиза. 2009. №3.
4. Кошелев А.В. Состояние понятийного аппарата социологии (общесоциологический уровень) // Социол. исследования. 2010. №5.
5. Маркс Г. О профессиональной деятельности социолога — 37 моральных императивов // Социол. исследования. 2008. №1 / Сокр. перевод с англ. Л.Г. Титаренко и А.А. Широкаковой.
6. Пашинский В.В. Оценка достоверности заключения эксперта // Судебная экспертиза. 2009. №1.
7. Пашинский В.В. Формы выводов в заключении эксперта // Судебная экспертиза. 2009. №2.
8. Попов Е.А. Образ социолога в современной реальности // Социально-гуманитарные знания. 2009. №2.
9. Романовский Н.В. Понятийные проблемы социологии: поиск адекватной интерпретации // Социол. исследования. 2010. №4.
10. Социологическая энциклопедия: В 2 т. Т. 1 / Национальный общественно-научн. фонд / Руководитель научного проекта Г.Ю. Семигин; Главный редактор В.Н. Иванов. М., 2003.

⁸ Волков Ю.Е. Социальные системы как объект социологического анализа // Социол. исследования. 2009. №9. С. 120.

⁹ Кошелев А.В. Состояние понятийного аппарата социологии (общесоциологический уровень) // Социол. исследования. 2010. №5. С. 23.

References (transliteration):

1. Golenkova Z.T., Igithanjan E.D. Social'naja struktura obwestva: v poiske adekvatnyh otvetov // Sociol. issledovanija. 2008. №7.
2. Zborovskij G.E. Teoreticheskie osnovanija izuchenija social'noj obwnosti // Sociol. issledovanija. 2010. №4.
3. Kiskina E.E. Zakljuchenie jeksperta kak akt kommunikacii // Sudebnaja jekspertiza. 2009. №3.
4. Koshelev A.V. Sostojanie ponjatijnogo apparata sociologii (obwesociologicheskij uroven') // Sociol. issledovanija. 2010. №5.
5. Marks G. O professional'noj dejatel'nosti sociologa — 37 moral'nyh imperativov // Sociol. issledovanija. 2008. №1 / Sokr. perevod s angl. L.G. Titarenko i A.A. Shirokanovoj.
6. Pashinskij V.V. Ocenka dostovernosti zakljuchenija jeksperta // Sudebnaja jekspertiza. 2009. №1.
7. Pashinskij V.V. Formy vyvodov v zakljuchenii jeksperta // Sudebnaja jekspertiza. 2009. №2.
8. Popov E.A. Obraz sociologa v sovremennoj real'nosti // Social'no-gumanitarnye znanija. 2009. №2.
9. Romanovskij N.V. Ponjatijnye problemy sociologii: poisk adekvatnoj interpretacii // Sociol. issledovanija. 2010. №4.
10. Sociologicheskaja jenciklopedija: V 2 t. T. 1 / Nacional'nyj obwestvenno-nauchn. fond / Rukovoditel' nauchnogo proekta G.Ju. Semigin; Glavnyj redaktor V.N. Ivanov. M., 2003.